

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2025. Том 29, № 4
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Научная статья

УДК 811.112.2

ББК 81.2

<https://doi.org/10.18522/1995-0640-2025-4-10-21>

КОГНИТИВНО-ЭВОЛЮЦИОННЫЙ ПОДХОД К ОЙКОНИМАМ СЛАВЯНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

*Лариса Владимировна Воронина, Юлия Николаевна Мельникова,
Татьяна Николаевна Скокова*

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород, Россия

Аннотация. Цель статьи состоит в классификации ойконимов славянского происхождения в немецком языке и анализе эволюционных преобразований словесно-понятийного осознания действительности. В результате исследования выделены когнитивные области, служащие основой культурно-исторического восприятия и осмысления географических реалий и подтверждающие гипотезу, что социально-историческое взаимодействие приводит к эволюции мышления и, как следствие, познанию действительности через призму этого опыта.

Ключевые слова: ойконимы, субстрат, славяно-германские языковые отношения, словообразовательный элемент, моделирование, концептуальный анализ, типы мышления

Для цитирования: Воронина Л. В., Мельникова Ю. Н., Скокова Т. Н. Когнитивно-эволюционный подход к ойконимам славянского происхождения в немецком языке // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2025. Т. 29, № 4. С. 10–21. <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2025-4-10-21>

Original article

COGNITIVE-EVOLUTIONARY APPROACH TO OIKONYMS OF SLAVIC ORIGIN IN THE GERMAN LANGUAGE

Larisa V. Voronina, Yuliya N. Melnikova, Tatiana N. Skokova

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the study of Slavic-Germanic linguistic relations. The research material is oikonyms of Slavic origin in the German language. Based on the cognitive-evolutionary approach to the formation of the corresponding units, this attempt is aimed to reflect the evolution of the impact of Slavic linguistic phenomena on the verbal thinking of Germans and the cultural perception of the geographical reality. This approach cannot cover all the features of cultural and historical types of thinking. The analysis confirms, the study of oikonyms allows us to highlight the cognitive features of their formation and stimulates research in the field of knowledge of the role of the Slavic factor in the history of two cultures, based on the principles of historical justice and interaction of

Slavic and Germanic peoples throughout the centuries-old history of cohabitation on the territory of Europe. The novelty of the work lies in the development of the author's research model. The objectives include the classification of a numerous corpus of examples, indicating the date of fixation of the form of a given oikonym in written sources and drawing conclusions about the main methods of verbalization of oikonoms in various cognitive spheres influenced by Slavic languages in the 10th-12th centuries. The analysis allows us to conclude that two-thirds of oikonoms of the Slavic origin are formed according to the model of an anthroponym + a patronymic suffix, denoting the descendants of a person. Among other things, place names are represented by derivatives formed using the suffixes *-ane*, *-ow*, *-au*, *-(i)n*, *-ici* or *-ovici*. The cognitive areas on the basis of which cultural and historical perception and understanding of geographical realities occur include "water basin", "relief", "landscape", "soil", "flora and fauna", etc..

Key words: *oikonoms, substrate, Slavic-Germanic linguistic relations, word-formation element, modeling, conceptual analysis, types of thinking*

For citation: Voronina, L. V., Melnikova, Yu. N. and Skokova, T. N. (2025). Cognitive-evolutionary approach to oikonoms of Slavic origin in the German language. *Proceedings of Southern Federal University. Philology*, vol. 29, no. 4, pp. 10-21. (In Russian). <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2025-4-10-21>

Топонимы являются важным источником изучения древней культуры и древних этапов становления языка. Спектр современных теоретических и прикладных исследований ономастики в целом и топонимики в частности чрезвычайно широк и простирается от изучения структурных, словообразовательных особенностей топонимических единиц [Воронина, Мельникова, Скокова, 2019, с. 84–86], процессов взаимопроникновения фонетических, лексических и графических элементов разных языков [Ващенко, Плотнокова, 2022, с. 102], топонимической политики, отражающей многочисленные связи человека и географической реалии [Голомидова, 2018], до прагматической, интеракциональной и художественно-литературной топономастики [Kohlheim, Kohlheim, 2022, S. 379]. К актуальным направлениям научных изысканий относятся также когнитивные основы именования топонимических объектов [Беляев, 2019, с. 16; Воронина, Мельникова, Скокова, 2023, с. 141] и др.

Изучение топонимии открывает возможность «заглянуть в далекое прошлое» — в историю носителей древних языков [Беляев, 2016, с. 688]. Ценность топонимических данных возрастает, когда речь идет о дописьменных этапах становления языка или вымерших языках, тогда топонимы становятся основными языковыми памятниками древних языков и этносов. Это обусловлено в том числе и тем фактом, что топонимы обладают большей устойчивостью по сравнению с апеллятивами, от которых были образованы географические названия.

Наибольшую ценность в этой связи представляют сведения, полученные в ходе изучения субстратной топонимии. Термин «субстратная топонимия» используется в лингвистике достаточно давно. Субстратная топонимия для данного языка определяется как «топонимия территории вторичного заселения, сохранившая следы языка аборигенов» [Рут, 1983, с. 111]. Под субстратом, как известно, понимают «реликты вымершего языка, которые сохранились после ассимиляции одного народа другим» [Матвеев, 2001, с. 101], в том или ином ныне функционирующем языке.

Актуальность данной работы усматривается нами в выявлении точек пересечения, казалось бы, в сфере неповторимости различных культур. В этой связи мы солидарны с мыслью Е. Г. Введенной: «Есть почва, на которой Восток и Запад могли бы встретиться и, ничем не жертвуя, не отступая от собственных истоков, принять опыт и правду другой стороны» [Введенная, 2000,

с. 114]. А расширение восприятия и нашего знания может быть полезным для решения проблем сегодня и завтра.

В исследовании ставится несколько целей. Важнейшими из них являются: а) изучение субстратов, включая топонимические субстраты, что дает возможность восстановить некоторые фрагменты исчезнувших языков, а также выявить исторические процессы, имевшие место в прошлом; б) анализ эволюции социального воздействия на мышление человека и соотношение когнитивных процессов и культуры через познание моделей ойконимов, носители которых разделены пространством и отличаются между собой культурно-историческим типом мышления. Заметим, что предметом нашего пристального внимания становится топонимический субстрат еще и потому, что, по мнению О. Н. Трубачева, «бессубстратные территории крайне редки» [Цит. по: Матвеев, 2001, с. 101].

При определении подходов к исследованию языковых единиц имеет смысл, на наш взгляд, остановиться на культурно-историческом подходе, позволяющем говорить об общественно-историческом характере психических процессов и вербального мышления. В отношении мышления Л. С. Выготский в свое время писал: «Нельзя представить себе процесс смены отдельных форм мышления и отдельных фаз в его развитии как чисто механический процесс, где каждая новая фаза наступает тогда, когда предшествующая совершенно закончена и завершена. Картина развития оказывается много сложнее. Различные генетические формы сосуществуют, как в земной коре сосуществуют напластования самых различных геологических эпох. Это положение является не исключением, но, скорее, правилом для развития всего поведения в целом. Мы знаем, что поведение человека не находится постоянно на одном и том же верхнем или высшем плане своего развития» [Выготский, 1956, с. 204].

В работе используются методы моделирования и концептуального анализа. При этом под моделью понимается особая система, благодаря изучению которой вырабатывается способ познания иной системы, интересующей исследователя.

Материалом для исследования послужили 1047 ойконимов славянского происхождения, собранных из этимологических словарей [Berger, 1999; Duden, 1989; Urnes, 2003], а также историографических и энциклопедических источников [Bach, 1953; Kleine Enzyklopädie, 1970; Fischer, 2005; Haefs, 2003, 2004]. Из них 731 представляют собой дериваты, 263 — симплексы, 53 — композиты.

Исследование и его результаты

Научное исследование направлено на изучение славянской топонимии на территории современной Германии. Анализ ассимиляции иноязычных субстратов позволяет увидеть историю отношений немецкого народа со своими соседями и народами, ранее проживавшими на территории сегодняшней Германии. Большое значение имеют отношения между немецким и романскими народами, с одной стороны, и славянским — с другой.

Субстратная топонимия составляет довольно значительный пласт в общем числе немецких географических названий. Немецкая топонимика — это гетерогенная топонимическая система, включающая собственно немецкие топонимы и географические названия лигурского, иллирийского, венецкого происхождения, а также топонимы с римскими, кельтскими и славянскими субстратами.

Значительная часть восточных и северо-западных территорий современной Германии была занята славянскими племенами. Сюда славяне пришли в середине VI в. с двух различных направлений: юго-востока (вдоль по Эльбе, с берегов Дуная через Богемию и Моравию) и востока, с земли, расположенной к востоку от Одера. Славянские племена заняли речные долины, оставленные германцами (готами, гепидами, лангобардами, вандалами и бургундами), ушедшими на север, в Скандинавию. По мнению К. Хенгста, начиная с VII в. славяне заимствовали у них географические названия еще германского периода и тем самым сохранили топонимы донемецкого времени [Хенгст, 2015, с. 115].

После возвращения части германских племен на территорию Европы начинается борьба за передел территорий. Эпоха Великого переселения народов завершается в конце VI–VII вв. некоторой стабилизацией границ западногерманских и славянских территорий и установлением контактов, прежде всего в сфере торговли. Начинают формироваться первые германские и славянские государства (VIII–IX вв.).

В эпоху Карла Великого между Франкским государством и соседними славянскими территориями возникают вооруженные конфликты в силу экспансионистских устремлений этого правителя, стремящегося расширить территорию своего государства в границах Священной Римской империи и по возможности распространить свое влияние на соседние славянские государства. Однако славяне оказали упорное сопротивление. В IX в. Карл Великий заключил договор со славянами и образовал с целью защиты от ободритов *Limes Saxoniae* — немецко-славянскую границу. Но с X в. немцы стали часто совершать нападения на славянские территории. Средневековый феодальный уклад предполагал стремление захватить новые земли и рабочую силу. Многих немецких помещиков привлекал восток. В XII в. началась немецкая колонизация восточных земель (так называемый *Drang nach Osten*). Фламандцы и саксонцы вторглись на славянские территории с северо-запада, тюрингцы перешли реки Заале и Белый Эльстер, франки захватили южнославянские территории. Уже в XII–XIII вв. с севера до юга, т. е. от Балтийского моря до Рудных гор, большинство населения составляют немцы [Хенгст, 2015, с. 115].

Некоторое время славяне и немцы сосуществовали на покоренных территориях. И если три столетия до начала X в. отмечалось только славянское словоупотребление, в период с X по XII в. славянский язык оставался преобладающим, то с XII по XIII в. происходило параллельное использование славянских и немецких говоров [Хенгст, 2015, с. 115]. Со временем славянское население было ассимилировано немцами. Большинство славянских диалектов исчезло уже к XIV–XV вв., но некоторые наречия сохранились и до XX столетия. Начиная с X в. наблюдается процесс изменения топонимии рассматриваемой территории: немцы, возвращающиеся на славянские земли, перенимали как новые славянские топонимы, так и заимствованные в древности славянами германские названия. Сохранившиеся славянские языковые памятники — ойконимы, гидронимы, оронимы и антропонимы — дают нам представление не только о распространенных здесь ранее диалектах, но и об общественных отношениях и культуре славян.

Понимание и толкование ойконимов славянского происхождения затруднены, так как о них мы узнаем не из славянских источников, а из немецких. Немцы знакомились с новыми названиями на слух и часто изменяли чуждые им слова, заменяя элементы подобно звучащими знакомыми словами.

При исследовании языкового развития славянских ойконимов большое значение имеют различия между немецкой и славянской системой звуков. Прежде всего, это касается шипящих звуков *š* [ʃ], *ž* [ʒ], *čž* [ʃtʃ], *с* [ts]. Они не всегда соответствовали шипящим немецкого языка.

В процессе ассимиляции ойконимов славянского происхождения в большинстве случаев меняется их форма. Приведем примеры отдельных изменений:

1) слав. *о* в последнем слоге переходит в *а*: слав. *-goszcz* → нем. *-gast*, например *Radogoszcz* → *Radegast*, *Vitogoszcz* → *Weddegast*;

2) слав. *szcz* → нем. *st*: *Szczytno* → *Stettin*;

3) начальная *с* → *z*: *Sosna* → *Zossen*, *Sopot* → *Zoppot*, *Sobota* → *Zobten*, *Sucha* → *Zauche*, *Sedlišče* → *Zedlitz*;

4) *g* перед согласными исчезает: *Glomusi* → *Lomatsch*, *Groswin* → *Rosswein*, *Grodisko* → *Groitzsch/Roitzsch*;

5) конечное буквосочетание *-sk* → *zig*: *Lipsk* → *Leipzig*, *Gdansk* → *Danzig*, *Bielsk* → *Belzig*, *Piaski* → *Patzig*;

6) суффикс *-im*, используемый для образования ойконимов от антропонимов, апокопируется в немецком языке: 993 *Pozdupimi* → 1500 *Postamp*, *Potsdam*, *Potlustim* → *Puttlitz*, *Oswiecim* → *Auschwitz*;

7) суффикс *-j* в процессе ассимиляции апокопируется, топоним трансформируется по аналогии с немецкими ойконимами (в основном по принципу народной этимологии): *Poznanj* → *Posen*, *Prenzlawj* → *Prenzlau*, *Jaroslawj* → *Jaroslau*.

Классификация ойконимов славянского происхождения

Традиция изучения славяно-германских языковых отношений включает различные концепции, которые связываются с работами представителей сравнительно-исторического метода, исследователей в области лингвистической географии и др. Новые гипотезы, по определению М. Л. Котина, охватывают «как множественность различных влияний, так и изменение доминирующих воздействий в различные исторические эпохи» [Котин, 2000, с. 232]. О характере взаимодействия славянских и немецкого языков можно судить по классификации отдельных ойконимов с учетом особенностей когнитивных процессов при их образовании.

1. *Предметно-действенный тип мышления*, как известно, представляет собой вид практического мышления, восходящего к соединению в одно целое деятельности, ощущений, восприятия и вербальной единицы. Иными словами, вербальное мышление связано с различными видами деятельности индивидумов в социуме. Так, две трети всех славянских ойконимов составляют этнофорные образования патронимического характера. Это названия, восходящие к именам родоначальников, глав рода или племени. Основными из них являются:

– названия, образованные с помощью патронимического суффикса *-ici* или *-ovici*, который первоначально обозначал потомков человека, чье имя дополняет суффикс, например *Miltitz* ← *Milotici* ‘люди Милота’, *Löbnitz* ← *L’ubanici* или *L’ubanovici* ‘люди Любана’, *Kittlitz* ← *Kytlici* от антропонима *Chytl*, *Goldenitz*, *Göldenitz* ← *Goldnici* от антропонима *Goln / Golan*, *Römnitz* от антропонима *Radomysl*, *Coschütz* ← 1279 (дата фиксации формы данного ойконима в письменных источниках) *Cowitz* ← *Koovici* от антропонима *Ko*, *Dalechowice* от антропонима *Dalech*, *Nezadudice* от антропонима *Nezabud*, *Mannewitz*, *Mahnwitz* от антропонима *Man*, *Rollwitz* от антропонима *Rul*, *Par-*

chitz от антропонима *Parchota, Liebertwolkwitz* ← *Volkovice* ‘люди народа’. Распространение этой группы ойконимов ограничено территориями, заселенными с доисторических времен, и только изредка пересекает границу лесов. Такой способ образования оставался продуктивным вплоть до XII в. Так как здесь совместно жили славянские и немецкие крестьяне, возникли смешанные названия: *Peterwitz, Winkwitz, Arnoltitz, Berntitym Elberitz, Günteritz*, образованные от немецкого апеллятива и трансформированного славянского суффикса.

Однако не всегда суффикс *-ici* выполняет патронимическую функцию. Ойконимы могут указывать на племя, обитающее на данной территории (как в немецком языке суффикс *-ingen*): *Bageritz, Baderitz, Pauritz* от слав. *Podgradici* ‘люди, живущие под горой-крепостью’, *Sageritz* от слав. *Zagorici* ‘люди, живущие за горой’. Аналогичную функцию выполняет суффикс *-ane*, например *Segrahn, Saggrian* ← *za + gora + ane* ‘люди, живущие за горой’, *Pommern* ← *Pomorjane* ‘жители поморья’, *Bresahn* ← *Breg + ane* ‘люди, живущие на берегу’, *Dresden* ← 1448 *Drazden* ← 1216 *Dreseden* ← 1206 *Dresdene* от слав. *Drjezdzanu* ‘жители болотистой, поросшей лесом местности’ или ← *Doubravanu* ‘жители леса’, *Lassahn* ← *Lassan, Lassan* от слав. *les + ane* ‘жители леса’;

– названия, образованные с помощью суффикса *-ow, -au* как немецкое соответствие славянскому *-ov*: *Kollow, Köllau, Kolow* от антропонима *Kol* или от апеллятива ‘кол’, *Klempau, Klempenow, Rotenklempenow* от антропонима *Klap, Golzow, Gülzow* от антропонима *Golž/Golč/Golec, Gudow, Godow, Godau, Gaddau* от антропонима *God, Dargow, Dragun, Dargun, Dargenow* от антропонима *Darg, Lüttau* от антропонима *Lut, Lüchow* от антропонима *Luch, Lalkau, Lalchow* от антропонима *Leik, Manau* от антропонима *Man, Pörtau, Pütrow*. Ойконимы, указывающие на предметы быта: *Sarau* ← *Sarowe, Sarow, Söhren* от слав. *Žar* ‘жар’, *Mazlewitz, Masslow, Matzlow, Mößlitz* ‘масло’ или от антропонима *Maslo, Loyen (Lüerholt)* ← *Logen, Löja, Lojow* от слав. *log* ‘жир, смалец’, *Köthel* ← *Kotly* ‘котел’, *Wotersen* ← *Votarč, Tortz* от слав. *vo + tarč* ‘забор из хвороста и палок’, *Wangelau* ← *Wangelowe, Wangels, Wangelkow* от слав. *vag* ‘уголь’ или от антропонима *Vag, Tramm* от слав. *traba* ‘труба’, *Sterley* ← *Stralige, Strehlow, Strale, Strellin* от слав. *str’ala* ‘стрела’, *Stieten, Stettin, Ziethen* от слав. *Szczytno* ‘щетина’, *Nüssau* ← *Nvssowe, Nütschau, Nütschow, Nossen, Nusse* от слав. ‘нос’ или от антропонима *Nos, Pampau* ← *Pampowe, Pampow, Pampin* от слав. *pap* ‘пуп’ или от антропонима *Pap*,

– ойконимы, образованные с помощью суффикса *-(i)n*: *Göttin, Gütin* от антропонима *Chota, Fitzen, Viezen, Witzin* ← *Vitsin* от антропонима *Vitša, Dermin* ← *Dormin* от антропонима *Durma, Döbeln* ← *Doblin* от антропонима *Dobl, Bautzen* ← 1144 *Budesin* ← 1012 *Budusin* от антропонима *Budyšh, Schlagenthin, Slaventin* от антропонима *Slaventa, Lubusin* от антропонима *Liubuš, Möhnsen* ← *Manse* от антропонима *Manš, Göttin* от антропонима *Chytl, Parketin, Berkenthin, Parcim* ← *Parchotin* от антропонима *Parchota*;

– так называемые смешанные формы, представляющие собой композиции, словообразующая основа которых сходна с немецкой, – доказательство немецко-славянского сосуществования. Возникновение таких названий спорно. Одни исследователи предполагают, что в данном случае к славянским именам присоединяются немецкие детерминаты (*L’ubotici* → *Lautendorf*), другие придерживаются мнения, что эти ойконимы являются чисто немецкими образованиями. Такие отношения наблюдаются на территории Верхней и Нижней Лужицы, где многие ойконимы на *-dorf* параллельно имеют сербскую

форму на **-есу** или **-eci**. Примерами смешанного типа служат следующие ойконимы: *Barneslawsdorf* от антропонима *Barneslaw*, *Blietorp*, *Bliedorf*, *Blieschof* от антропонима *Bliz*, *Cemerstorp* от антропонима *Semir*, *Dassendorf* ← 1334 *Derzendorp* от антропонима *Deržek/Deržko*, *Dücheldorf*, *Roduchelstorp* от антропонима *Radochel/Raduchel*, *Kählstorp* ← *Kozelsdorpe* от антропонима *Kozel*, *Lelkendorf* от антропонима *Lelk*, *Lautendorf* от антропонима *L'ubot*, *Prinzersdorf* ← 1300 *Prinzlauisdorf* от антропонима *Prinzlouis*, *Prötzelsdorf* ← 1111 *Primizlasttorp* от антропонима *Primizlas*, *Röhrsdorf* ← *Rothiboresdorf* от антропонима *Rothibor*, *Schlagdorf* от антропонима *Slav(a)*, *Siegelsdorf* ← *Sietegoidorph* от антропонима *Žitogoi*, *Toradesdorf* от антропонима *Torad*, *Zellerndorf* ← 1171 *Celdramendorf* от антропонима *Celdramen*, *Gaithain*, *Geithain* от антропонима *Chytl/Chyten/Chytan*, *Jaroslavshagen* от антропонима *Jaroslav*, *Wentzelslawhagwn* от антропонима *Wentzelslaw*, *Sierksrade* ← *Ciresrode*, *Ziertorp* от антропонима *Žir(a)*, *Tirschenreut* ← 1140 *Dursinruthe* от антропонима *Dršen*, *Rabensgrün* ← *Radvansgrüene* от антропонима *Radvan*, *Walksfelde* от антропонима *Voligost*, *Manauerbruch* от антропонима *Man*, *Preußburg*, 907 *Brezalauspurc* от антропонима *Bratislaw*;

– ойконимы, обозначающие место жительства, поселение или постройки и зачастую образованные с помощью слов **Grad** ‘город, поселение’, **Grodišče** ‘городище, укрепленное место’: *Belgard* ‘белый город’ (ср. *Белград*, *Белгород*), *Naugard* ‘новый город’ ← 1321 *Naugarde* ← *Novogard*, *Novygarde* (ср. *Новгород*), *Priort* ‘поселение у города/крепости’ ← 1317 *Prigard*, *Satrgard* ‘старый город’ ← 1244 *Staregard*, *Wyszegrad* ‘город на высоте’, *Gardensee* ‘город/крепость у озера’ от слав. *Grad* ‘город’ + нем. *See* ‘озеро’, *Greiz* ← *Gard* ← *Gårdьсь* ‘город, укрепленное место’, *Goitzsch*, *Groitzsch*, *Roitzsch* от слав. *Grodisko* ‘городишко’, *Gartz* от слав. *Gardek* ‘градик, маленькая крепость’, *Gröst* ← 1087 *Grodeste* ← 991 *Grodisti* ← 830–850 *Grodesti* от слав. *Grodišče* ‘городище’, *Zedlitz*, *Zettlitz*, *Siedlec* ← *Sedlišče* от слав. *sedlo* ‘поселение, поселок’. Славянские рыбацкие поселки было принято обозначать словом *Kietz* от древнеславянского *Chŭža* ‘хижина, дом’. Часто поселения возникали на новых вырубленных территориях, поэтому некоторые ойконимы, обозначающие постройки, указывают на процесс корчевания земли, например *Oschatz*, *Ossegg* от слав. *osěč* ‘постройка на вырубленном, высеченном месте’, *Trebbin* ← *Trebynja* ‘корчевание’, *Ellguth* ‘постройка на раскорчеванной земле, свободной от налогов’ ← *Lgota* ‘льгота, свобода’. Толкование некоторых ойконимов спорно. По мнению А. Баха, названия *Jüterbog*, *Belkuck* имеют значение не ‘утренний бог’ и ‘белый бог’, а указывают на месторасположение населенного пункта: так, *Jüterbog* значит ‘утренний бок/сторона’, т. е. постройка на солнечной стороне, *Belbuck* – ‘белый бок/сторона’, т. е. дом в белой стороне, краю [Vach, 1953];

– названия, образованные от антропонимов-композиций: *Radegast* от антропонима *Radogoszcz*, *Weddegast* от антропонима *Vitogoszcz*, *Wolgast* от антропонима *Voligost*, *Güster* ← *Gostirady* от антропонима *Gostrad*, *Prenzlau* ← *Prenzlau* от антропонима *Perejeslaw*, *Breslau* ← *Bratislaw* от антропонима *Bratislaw*, *Radebeul* ← 1354 *Radebuyl* от антропонима *Radobyl*, *Rodameuschel* ← 1378 *Rodemuzsel*, *Römnitz* ← *Rodemoyzle*, *Redemoißel*, *Rottelmisch* от антропонима *Radomysl*, *Lebus* ← *Lubus*, *Laubusch*, *Lubosch* от антропонима *Luboslaw*, *Rothwurst* от антропонима *Ratibor*, *Mühlrose* от антропонима *Milorad*.

2. **Наглядно-образное мышление** предполагает систему, включающую не только наглядные образы, но и «предзнание», отношение между которыми становится основанием для продуцирования определенного знания и его вербализации. Ниже приводится классификация ойконимов при помощи следу-

ющей модели: ойконимы → когнитивный признак концептуальной сферы, положенный в основу классификации, → переосмысление в немецком языке:

– ойконимы, указывающие на водные бассейны:

а) названия, обозначающие проточную воду: *Kamenz, Chemnitz* ← 1012 *Camenizi* ← *Kamjenica, Kemnitz* ‘каменистый ручей’ от слав. *kamen* ‘камень’, *Reipnitz* ‘место у рыбного ручья’ ← *Rybnica* от слав. *ryba* ‘рыба’, *Kühsen, Kützin* ← *Kvcen* от слав. *kusa* ‘речка с быстрым течением’ или от антропонима *Kuša, Rostock* ← 1165 *Rozstoc* ← 1219 *Roztoc* от слав. *roztoc* ‘расток’ (название подтверждается географическим положением: Росток лежит на реке Варнов, которая в этом месте расширяется/растекается до 500 м), *Mebderitzsch* ← 1378 *Mesericza* ← 1314 *Moseriez* ← 1251 *Meseriz* от слав. *Mezirěč’e* ‘междуречье’, *Priegnitz* от польского *przeginia* ‘поворот реки’ + *ica, Lochzen. Loktow* ← 1303 *Lokede* от слав. *loket* ‘локоть’, т. е. ‘поворот реки’, *Santok* ‘слияние рек’, *Breege* ← 1314 *Breghe* от слав. *bregy* ‘берег’, *Wusterwitz* ← *Ostrowiec* ‘островок’, *Güstrow, Wustrow* от слав. *ostrov*;

б) названия, символизирующие стоячую воду: *Mölln* ← 1230 *Mvlne, Muhlitz* от полабского *mul* ‘мут, грязная вода’, *Lausitz* ← *Luzice* ‘лужица, болото’, *Lausigk* ← *Luzk* ‘лесное болото’, *Berlin* от полабского *birl-/berl-* ‘болото’, от сербского, хорватского *Brkjaga. Brljug* ‘болото’, *Pleß* от слав. *pleso* ‘плес, пруд’;

в) названия, означающие постройки у воды: *Mostitz* ← 1343 *Mocticz* от слав. *most* ‘мост’, *Mustin, Moostin, Masten* от слав. *most* ‘мост’, *Brode, Broda, Bröthen* ‘брод’, *Brodesende* (от слав. *brod* ‘брод’ + нем. *Ende* ‘конец’), *Berlin* от древнеславянского *brüleni* ‘сороудерживающая решетка’, *Plauen* ← 1206 *Plawen, Plaue* ← 1590 *Plaw, Planitz* ← 1243 *Plawnicz* ‘место, где сплавляют плоты’ от *plavit* ‘сплавлять плоты’;

г) названия, образованные от гидронимов: *Drüsen, Drüsewitz* ← *Drvsen* от гидронима *Drüsensee* от слав. ‘друг’, *Labenz, Lâven, Lauen, Löwen* от гидронима *Lov'nica, Lovne* ‘ловец/рыбак’, *Chemnitz* от гидронима *Kamenica* ‘каменная’, *Belzig* от гидронима *Bjela* ‘белая’, *Meißen* от гидронима *Misna* ← *Myszna* ‘мышинный ручей’, *Warthe* от гидронима *Warta* ‘быстрая’, *Bober* от гидронима *Biber* ‘река, где много бобров’, *Uckermark* от гидронима *Ucker* ← *Vikrū* ‘быстрая река’, *Lundwig-Schorgast, Markt-Schorgast* ← 1109 *Scoregast* от гидронима *Schorgast* (антропоним + *gast* ‘гость’), *Trebgast* от гидронима *Trebgast* (антропоним + *gast*), *Markt-Leugast* ← *Lubegast* от гидронима *Leugast* (антропоним + *gast*), *Klettnitzberg* от гидронима *Klettnitz* от слав. *kletz* ‘домик, хата’;

– ойконимы, обозначающие формы рельефа и ландшафты:

а) названия, указывающие на горный рельеф: *Gornau* ← 1540 *Gorn, Görnitz* ← 1378 *Gornicz* ‘гора’, *Lysiec* ← *Lysa gora* ‘лысая/голая гора’, *Schaala* ‘скала’, *Kulm, Glm, Golm* от слав. *cholm* ‘холм’, *Delitzsch* от слав. *delc* ‘холм’, *Weißig, Wittstock* от восточносорбского *Wysoka* ‘высота’, *Farchau* ← *Verchowe* ← *Virchov, Ferchau, Varchau, Firchau* от слав. *virch* ‘верх’;

б) названия, символизирующие долину, луг: *Längwitz* ← 932 *Languizza* ← *Lo(n)kavica, Langwitz, Lankwitz* от слав. *lo(n)ka* ‘заливной луг’, *Lankau* ← *Lankowe, Lankow, Lancken, Lanchen, Lanze* ← *Lantsaze, Lanz, Landsatz* от слав. *laka* ‘заливной луг’, *Lugau* ← 1438 *Luge* от слав. *lug* ‘луг’, *Dölitz* ← *Dolica* от слав. *dol* ‘дол, долина’;

в) ойконимы, указывающие на лесной ландшафт: *Lößnitz* ← 1238 *Lesnitz* от слав. *les* ‘лес’, *Gülze, Gülitz, Jülitz* ← *Golica* от слав. *gol'a* ‘лес, пастбище’, *Börs(t)e, Boor, Alt Bork* ← *Borišče* от слав. *bor* ‘бор’, *Magdeborn* ← *Medebor* ‘медовый бор’, *Dammerow, Damerow, Dubno* от слав. *dabrova/dabrava/dobrava* ‘дубрава’, *Witzeze* ← *Wutsetse, Wietzetz, Wussitz* от слав. *vosěč* ‘засека’;

Drewitz ← 1228 *Drewicz*, *Drewen* от слав. 'дерево', *Pinnau* ← *Pinnowe*, *Pinnow* от слав. *pin/pen* 'пень';

г) названия, связанные со строением почвы: *Gleina*, *Glienicke*, *Glinki* от слав. *glina* 'глина, глинистая почва', *Kammin* от слав. *Kamien* 'камень', *Patzig* ← *Piaski*, *Pezeke* (сегодня *Gut*), *Peetsch* от слав. 'песок';

– ойконимы, обозначающие растения: *Gablenz* ← *Jablonica* 'яблоня', *Grauschwitz* ← *Kruszwica* 'груша', *Grabau* ← *Grabowe*, *Grabow*, *Grebbin* ← 1284 *Grabin* от слав. *grab* 'граб', *Birnzig* ← *Breznik*, *Briesig*, *Briest* ← 1294 *Brisitz*, *Bräsinchen*, *Britz* ← 1375 *Briske*, *Bretzin* ← 1297 *Britsin* 'береза', *Zossen* ← 1375 *Czossen*, *Zootzen* 'сосна', *Bockau* ← *Buchaw*, *Bockwa* ← 1219 *Bucwen*, *Buckow* 'бук', *Basedow*, *Beesdau* от слав. *bazd* 'бузина, сирень', *Krüzen* ← *Crutsen*, *Krussen*, *Creußen* от слав. *krušina* 'крушина, черемуха' или *kruša* 'груша', *Lehsten* ← *Lesten*, *Leisten* ← *Lěščn* от слав. *lěska* 'лещина', *Fehrbellin* от слав. *verba* 'верба, ива', *Leipzig*, *Liepe* ← *Lipsk* 'липа', *Damm*, *Damme* ← *Dambe* 'дуб', *Damgarten* ← 1241 *Dambagora* ← *Dobagora* 'дубовая гора, гора, поросшая дубом', *Oelsnitz*, *Oels*, *Wilsnack* от слав. *olsza* 'ольха', *Tornau* ← *Tornov*, *Tornow* от слав. *torn* 'терн, колючий кустарник', *Pogeez*, *Pogez* ← *Pogatse* от слав. *po + gat* 'кустарник', *Gatz* 'кустарник', *Kehrsen* ← *Karsin* от слав. *kars* 'куст, карликовое дерево' или от антропонима *Karš(a)*, *Kankelau* ← *Kakolov*, *Kankel*, *Kankelfitz* от слав. *kakol* 'куколь посевной' или от антропонима *Kakolov*, *Mechow* ← *M(e)chowe*, *Mechau* от слав. *mech* 'мох' или от антропонима *Mech*, *Ziethen* ← *Citene* от слав. *sit* 'ситник', *Paperzhain* ← *Paprocane* от слав. *paprot* 'папоротник';

– ойконимы, означающие животных: *Schwerin* ← *Zverin* 'зверь, дикое животное', *Talkau* ← *Telekow* от слав. *telko* 'теленка, телка' или от антропонима *Telek*, *Conow* ← 1354 *Konow* от слав. *kon* 'конь', *Swiene* ← 1330 *Swine* от слав. *svin'a* 'свинья', *Thurow* ← 1375 *Thurwe*, *Ture* от слав. *tur* 'тур', *Reipnitz* ← *Rybnica*, *Rübenau* от слав. *ryba* 'рыба', *Lärz* ← 1237 *Loritz* ← *Lorica* от слав. *los* 'лось', *Linau* ← *linowe*, *Linow*, *Lynow* от слав. *lin* 'линь', *Sahms* ← *Sabenize*, *Sabel*, *Sabow* 'жаба', *Kulpin* ← *Culpin*, *Kölpin* от слав. *kolp* 'лебедь', *Zepplin* ← *Czaplin* 'цапля', *Krukow* ← *Crukowe*, *Kruckow* от слав. *kruk* 'ворон' или от антропонима *Krukov*;

– ойконимы, образованные от прилагательных и обозначающие качества: *Böhlen* ← 1353 *Belen*, *Pöln* ← 1288 *Bele*, *Pöhlau* ← 1358 *Bela*, *Pölbity* ← 1219 *Belwiz*, *Vielau* ← 1238 *Bilowe*, *Belzig* ← *Bielsk*, *Bälau*, *Belau* 'белый', *Krasen* ← 1400 *Grasene* ← 1200 *Grazne*, *Krassin* 'красный, красивый', *Krewitz* ← 1402 *Crewitz* ← 1329 *Krewiz* ← 1205 *Criwize* 'кривой', *Lübeck* ← *Liubice*, *Lübben*, *Lubien* 'люб', *Piesteritz* ← 1362 *Bisteritz* 'быстрый', *Weißeritz* ← 1366 *Wistriz* ← 1206 *Bistrice* 'быстрый', *Wizok*, *Wittstock* 'высокий', *Zauche* от слав. *suchy* 'сухой', *Disnack* ← 1230 *Dvsnik* 'душный';

– ойконимы, полученные путем перевода славянских названий на немецкий язык: *Großenhain* ← 1200 *Osek* = *hain*, *Altkirchen* ← 1140 *Ztarecoztol* 'старый костел, старая церковь', *Tiefensee* ← *Jezerišče* от слав. *Jezer*, *jezero* 'озеро'.

Заключение

Исследование особенностей вербализации ойконимов славянского происхождения в немецком языке позволило нам выработать модель, которая выглядит следующим образом: ойконимы как культурно-исторические реалии различных концептуальных сфер и их соответствие в языке-источнике (исконное значение) → предметно-действенный тип мышления и наглядно-образное мышление при выборе словообразовательного элемента и когнитив-

ного признака концептуальных сфер → системы переосмыслений в немецком языке, выводимые из изменений в общественной жизни, практике, в культуре.

Словообразование при этом может рассматриваться как программа или матрица коммуникативного отношения, которая была использована в жизни людей, относящихся к двум культурным общностям: славянской и германской. Наиболее продуктивными являются суффиксы *-ici* или *-ovici*, *-ane*, *-ow*, *-au*, *-(i)l*, а также применяется такой способ словообразования, когда к именам присоединяются немецкие детерминанты и, наоборот, когда образуются композиты со словообразующей основой, сходной со славянской.

По действительности мышление немцев при образовании ойконимов можно охарактеризовать как некритическое, а по направленности на практику — не как теоретическое, а как практическое.

Несмотря на различный уровень национального мышления славян и немцев, между ними существовало всегда нечто общее, что должно не разъединять, а сближать. Здесь, на наш взгляд, уместно привести в качестве примера из истории различие основных принципов понимания славянской идеи у австрийских славян, выражавшихся в лозунге «своеобразие в гармонии», и принципов, лежащих в основе панславизма, о которых пишет О. В. Павленко [Павленко, 2000, с. 276], т. е. «гармония в единстве», чего необходимо достичь в нынешних условиях растущих разногласий между народами.

Список источников

- Беляев А. Н. О топонимическом концепте // Вестн. Челябинского гос. ун-та. 2019. № 1 (423). С. 13–21. <https://doi.org/10.24411/1994-2796-2019-10102>
- Беляев А. Н. Субстратные топонимы на территории Восточной Германии // Вестн. Башкирского ун-та. 2016. № 3 (21). С. 688–692.
- Вашенко Д. Ю., Плотникова А. А. Специфика славянской топонимики Австро-Венгрии начала XX в. в письмах современников // Вопросы ономастики. 2022. Т. 19, № 3. С. 102–125. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2022.19.3.032
- Введенцова Е. Г. Архетипы коллективного бессознательного и проблемы становления культуры // Эволюция. Язык. Познание. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 113–134.
- Воронина Л. В., Мельникова Ю. Н., Скокова Т. Н. Словообразовательные модели топонимов немецкого языка в динамическом аспекте // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16, № 3. С. 78–90. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2019.16.3.032
- Воронина Л. В., Мельникова Ю. Н., Скокова Т. Н. Топонимы – языковые знаки-репрезентанты объекта в его глобальности // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2023. № 4. С. 138–150. https://doi.org/10.51955/2312-1327_2023_4_138
- Выготский Л. С. Избранные психологические исследования: мышление и речь. Проблемы психологического развития ребенка. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1956. 519 с.
- Голомидова М. В. Топонимическая политика в сфере номинации внутригородских объектов: теоретические и прикладные проблемы // Вопросы ономастики. 2018. Т. 15, № 3. С. 36–61. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2018.15.3.028
- Котин М. Л. Славянские заимствования в немецком языке (рецензия) // Славяно-германские исследования. М.: Индрик, 2000. Т. 1–2. С. 232–236.
- Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001. Ч. I. 346 с.
- Павленко О. В. «Славянский фактор» в отношениях России и Австрии в 40–60-е годы XIX века // Славяно-германские исследования. М.: Индрик, 2000. Т. 1–2. С. 243–280.
- Рут М. Э. Несколько замечаний о методике сбора и первичной обработки субстратной лексики и топонимии // Вопросы ономастики. Вып. 16: Методы топонимических исследований. Свердловск: УрГУ, 1983. С. 111–115.

Хенгст К. Германо-славянские гибридные образования в топонимии Восточной Германии // Вопросы ономастики. 2015. № 2 (19). С. 114–124. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2015.2.005

Bach A. Deutsche Namenkunde II. Die deutschen Ortsnamen. Bd. 1–2. Heidelberg, 1953.

Berger D. Duden, Geographische Namen in Deutschland: Herkunft und Bedeutung der Namen von Ländern, Städten, Bergen und Gewässern. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1999.

Kleine Enzyklopädie. Die deutsche Sprache: in 2 Bd. / hrsg. von E. Agricola, W. Fleischer, H. Protze. Leipzig: Veb Bibliographisches Institut, 1970.

Duden. Etymologie: Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache / hrsg. von G. Drosdowski. Mannheim; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1989.

Fischer R.E. Die Ortsnamen der Länder Brandenburg und Berlin. Alter – Herkunft – Bedeutung. Berlin; Brandenburg: Be.Bra Wissenschaft Verlag, 2005.

Haefs H. Ortsnamen und Ortsgeschichten auf Rügen mitsamt Hiddensee und Mönchgut. Anmerkungen zur Geschichte. München: Buch&Media GmbH, 2003.

Haefs H. Ortsnamen und Ortsgeschichten aus Schleswig-Holstein zunebst Fehmarn, Lauenburg, Helgoland und Nordfriesland. Anmerkungen zur Geschichte. München: Buch&Media GmbH, 2004.

Kohlheim R., Kohlheim V. Rezension zu “Kathrin Dräger, Michael Prinz, Rita Heuser (Hgg.): Toponyme. Standortbestimmung und Perspektiven” // Muttersprache. 2022. № 4 (132). S. 378–381.

Urmes D. Handbuch der geographischen Namen. Ihre Herkunft, Entwicklung und Bedeutung. Wiesbaden: Fourier Verlag GmbH, 2003.

References

Agricola, E., Fleischer, W. and Protze, H., eds. (1970). *Small Encyclopedia. German*. in 2 vols. Leipzig: Veb Bibliographic Institute. (In German).

Bach, A. (1953). *German name II. German toponyms*. Heidelberg, vol. 1-2. (In German).

Belyaev, A. N. (2016). Substrate place names in East Germany. *Bulletin of the Bashkir University*, no. 3, pp. 688-692. (In Russian).

Belyaev, A. N. (2019). About the toponymic concept. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, no. 1, pp. 13-21. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/1994-2796-2019-10102>

Berger, D. (1999). *Duden, Geographical Names in Germany: The Origin and Meaning of Names of Lands, Cities, Mountains, and Water Bodies*. Mannheim, Leipzig, Vienna, Zurich, Dudenverlag. (In German).

Drosdowski, G., ed. (1989). *Duden. Etymology: Dictionary of origin of the German language*. Mannheim, Vienna, Zurich, Dudenverlag. (In German).

Fischer, R. E. (2005). *The place names of the states of Brandenburg and Berlin. Age - origin - meaning*. Berlin, Brandenburg, Be.Bra Wissenschaft Verlag. (In German).

Haefs, H. (2003). *Place names and place stories on Rügen including Hiddensee and Mönchgut*. Notes on history. Munich, Buch&Media GmbH. (In German).

Haefs, H. (2004). *Place names and place stories from Schleswig-Holstein first Fehmarn, Lauenburg, Heligoland and Nordfriesland*. Notes on history. Munich, Buch&Media GmbH. (In German).

Golomidova, M. V. (2018). Toponymic Policy in Naming City Facilities: Theoretical and Applied Issues. *Problems of Onomastics*, vol. 15, no. 3, pp. 36-61. (In Russian). https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2018.15.3.028

Hengst, K. (2015). Germanic-Slavic hybrid names in the East German toponymy. *Problems of Onomastics*, no. 2, pp. 114-124. (In Russian). https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2015.2.005

Kohlheim, R. and Kohlheim, V. (2022). Review of “Kathrin Dräger, Michael Prinz, Rita Heuser (eds.): Toponyme. Position determination and perspectives”. *Native Language*, no. 4, pp. 378-381. (In German).

Kotin, M. L. (2000). Slavic borrowings in German (Review). *Slavic-Germanic studies*. Moscow, Indrik, vol. 1-2, pp. 232-236. (In Russian).

Matveyev, A. K. (2001). *Substrate toponymy of the Russian North*. Ekaterinburg, Ural University Press, vol. I, 346 p. (In Russian).

Pavlenko, O. V. (2000). "Slavic factor" in relations between Russia and Austria in the 40-60s of the 19th century. *Slavic-Germanic studies*. Moscow, Indrik, vol. 1-2, pp. 243-280. (In Russian).

Rut, M. E. (1983). A few comments about the methodology for collecting and primary processing of substrate vocabulary and toponymy. *Issues of onomastics. Issue 16. Methods of toponymic research*. Sverdlovsk, Ural State University, pp. 111-115. (In Russian).

Vashchenko, D. Yu. and Plotnikova, A. A. (2022). The Slavic toponymy of early 20th century Austria-Hungary in epistolary intercourse. *Problems of Onomastics*, vol. 19, no. 3, pp. 102-125. (In Russian). https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2022.19.3.032

Voronina, L. V., Melnikova, Yu. N. and Skokova, T. N. (2019). Word-Formation Patterns in German Toponymy: A dynamic Perspective. *Problems of Onomastics*, vol. 16, no. 3, pp. 78-90. (In Russian). https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2019.16.3.032

Voronina, L. V., Melnikova, Yu. N. and Skokova, T. N. (2023). Toponyms are linguistic signs-representatives of an object in its globality. *Crede Experto: Transport, Society, Education, Language*, no. 4, pp. 138-150. https://doi.org/10.51955/2312-1327_2023_4_138

Urmes, D. (2003). *Handbook of geographical Names. Their origin, development and significance*. Wiesbaden, Fourier Verlag GmbH. (In German).

Vvedenova, E. G. (2000). Archetypes of the collective unconscious and problems of culture formation. *Evolution. Language. Cognition*. Moscow, Languages of Russian culture, pp. 113-134. (In Russian).

Vygotskii, L. S. (1956). *Selected psychological studies: Thinking and speech. Problems of child psychological development*. Moscow, Publishing House of the Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR, 519 p. (In Russian).

Сведения об авторах

Воронина Лариса Владимировна — докт. филол. наук, доцент, профессор кафедры немецкого и французского языков, voronina@bsuedu.ru

Мельникова Юлия Николаевна — канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры немецкого и французского языков, awdejewa@mail.ru

Скокова Татьяна Николаевна — канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры немецкого и французского языков, skokova@bsuedu.ru

Information about the Authors

Larisa V. Voronina — Ph.D. in Philology, associate professor, professor of the Department of the German and French Languages, voronina@bsuedu.ru

Yuliya N. Melnikova — Ph.D. in Philology, associate professor, associate professor of the Department of the German and French Languages, awdejewa@mail.ru

Tatiana N. Skokova — Ph.D. in Philology, associate professor, associate professor of the Department of the German and French Languages, skokova@bsuedu.ru

Статья поступила в редакцию 06.03.2025; одобрена после рецензирования 18.09.2025; принята к публикации 18.09.2025.

The article was submitted 06.03.2025; approved after reviewing 18.09.2025; accepted for publication 18.09.2025.